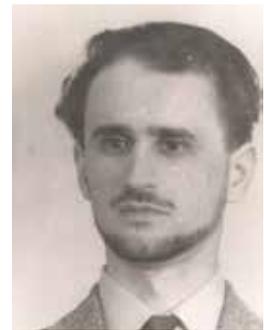

Осенью 2015 года при посредничестве Южного филиала Института Наследия Краснодарский художественный музей получил в дар четыре живописных полотна известного российского художника, члена-корреспондента Российской Академии художеств Б. Г. Коржевского (1927–2004). Картины подарены дочерью художника Ю. Б. Коржевской. О талантливом уроженце станицы Динской рассказывает ныне тоже уже покойный брат живописца Александр Георгиевич Коржевский.

А. Г. КОРЖЕВСКИЙ

Alexander G. KORZHEVSKY

**В стороне от черного квадрата
(Воспоминания о художнике
Б. Г. Коржевском)¹**

Воспоминания Александра Коржевского повествуют о жизненном пути и творческих исканиях его брата, талантливого живописца, уроженца станицы Динской Бориса Коржевского.

Биография художника повествует о вехах его творческой эволюции, насыщена образами известных людей, с которыми он был знаком и тесно связана с событиями, определившими историю страны. Значительное внимание автор воспоминаний уделил периоду личностного становления живописца, а также поре, когда его талант раскрылся в полной мере.

Воспоминания подготовлены к печати профессором В. К. Чумаченко.

Ключевые слова: история советской живописи, художник Борис Коржевский, московские сезаннисты.

**Aside from the Black Square
(Memories of Artist
Boris G. Korzhevsky)¹**

Memories by Alexander Korzhevsky are devoted to the life and artistic explorations of his brother, a talented artist Boris Korzhevsky who was a native of stanitsa Dinskaya.

Biography of the artist narrates of the milestones of his creative evolution. His path of life is full of images of famous people whom he was familiar, and is closely linked to the events that determined the history of the country. Considerable attention is paid to the period of personal painter formation, and also to the time when his talent was revealed in full.

Memories are prepared for publication by Prof. Victor K. Chumachenko.

Keywords: history of Soviet art, Boris Korzhevsky, the artist, Moscow Cezannists.

¹ Подготовка текста:

Виктор Кириллович ЧУМАЧЕНКО - кандидат филологических наук, профессор, старший научный сотрудник отдела экспертно-консультативной деятельности и проблем культурного и природного наследия Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Краснодар, Россия; электронная почта: vchum@rambler.ru

¹ The text was prepared by:

Victor K. CHUMACHENKO - Cand. Sci. (Theory of Literature), Prof., Senior Researcher, Department of the Expert Advisory Activities and Problems of Cultural and Natural Heritage, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Krasnodar, Russia; email: vchum@rambler.ru

Жизнь подлинного художника, как правило, легкой не бывает. Трудной, трагической была она у моего брата. Судьба распорядилась так, что мы никогда не разлучались, все прожитые годы находились рядом; наши взгляды и интересы были близкими, и у нашей дружбы не было границ. Для меня он жив и сегодня. Мысленно вызываю его образ, слышу его голос, чувствую его душу.

Он был удивительным человеком: необычайно одаренным, душевно чистым, добрым, открытым, скромным, легко ранимым. Всего себя целиком он отдал любимому делу – служению живописи.

Наше раннее детство – это кубанская станица Динская, где мы родились в маленьком одноэтажном домике станичной больницы с разницей в два года. Старшим был я. Огромным цветущим садом запомнилась на всю жизнь родная станица. Здесь усадьба нашего деда, кубанского казака, черноморца Василия Сидоровича Коржевского, происшедшего из запорожцев. На Таманском полуострове сохранился поселок с названием Коржевский, где когда-то было поместье наших предков, переселенных на Кубань из Запорожской Сечи. Существовала легенда, будто в период польско-украинских междоусобных войн некий Коржевский, тогда королевский казначей, бежал в Сечь, прихватив с собой солидную часть казны. Его потомкам и досталась земля на Тамани.

Когда вспоминаю детство – наш сад, тихие летние вечера, воздух, пропитанный запахом сирени, жасмина, акации и полевых цветов, дух соломы и абрикосов, которые сушат на крышах домов по всей станице, – думаю, что это и был земной рай, где мы с братом впервые увидели этот Мир.

Мы бегали по саду, обогреты южным солнцем, лаской родителей, многочисленных теток, двоюродных и троюродных сестер. Главным же нашим воспитателем была бабушка Вера, мать отца. Ее судьба необычайно романтична: плененная четырехлетним ребенком черкесская княжна воспитывалась удочеренной в семье русского полковника, получила гимназическое образование и была выдана замуж за кубанского казака. Ее рассказы и сказки о гномах и великанах мы слушали

внимательно, как замороженные, с открытыми ртами. Вкуснейшими обедами, с пирогами и другими яствами, она нас потчевала. Это она тайно окрестила меня в местной церкви, что не поощрялось тогда новой властью, пропагандировавшей воинствующее безбожие (мой брат принял крещение уже в зрелом возрасте, в 1990-е годы). Глубоко верующая, справедливая, добродетельная и всеми уважаемая – такой она была и запомнилась нам. В противоположность деду, развеселому шутнику и балагуру, она казалась особенно значительной, ее авторитет был непоколебим и непрекаем.

Когда мы подросли и пришло время идти в школу, родители забрали нас в город, где они жили. Тогда мы могли говорить только на украинском языке, и потому дворовые мальчишки прозвали и дразнили нас «украинцами». Сначала было трудно, но как-то быстро и незаметно мы перешли на русский, к удивлению озабоченных родителей.

Живем в центре города Краснодара – столице Кубанского края на главной улице Красной. Веселым и чудесным казался нам тогда этот город.

Наш отец, Георгий (Юрий) Васильевич Коржевский, украинский кубанский писатель, преподавал в местном пединституте литературу; мама, Вера Исаевна Коржевская (урожденная Гурович), работала учительницей в той же школе, где мы с братом учились. Впоследствии другая бабушка, Дарья Никаноровна Буянцева, опекала нас. Она была из центра России, владимирская, истинно русская, дочь иконописца, строгая и энергичная. Второй дед, по матери, Исая Григорьевич Гурович, умер до нашего рождения, а был он древнейших библейских кровей. Провизор и практикующий врач, он имел собственные аптеки, как потом рассказывала мама, был жадным и богатым. Деньги копил в ассигнациях. Это были пятисотрублевые «Петьки» и сторублевые «Катьки», которыми до верха был наполнен сундук, но все они «сгорели» в ходе революционных событий начала XX века.

Таким образом, в нас текут четыре разные крови, и, как любил шутить брат, мы кварталеры. По этому поводу он сочинил как-то:

*Черкес и запорожца сила,
Но, как всегда, и здесь еврей,*

*Россия всех объединила
В одно из четырех кровей.*

И в самом деле, в многогранной натуре брата соединились черты этих национальностей: терпимость и бескомпромиссность, твердость и вспыльчивость, наряду с искренностью, безграничной добротой, мягким сердцем и отсутствием всякой фальши. Эта «гремучая смесь» проявилась много раз в колебаниях его характера, порой взрывного, подвижного, нервного. Повышенная эмоциональность, наблюдательность и заостренное внимание помогали ему в работе. Это просматривается и в его картинах, проникнутых чувственным порывом, насыщенных цветовыми аккордами.

Брат был среднего роста и атлетического сложения. Правильные черты лица и густая шевелюра отличали его облик. Красивые, с голубизной изменчивого цвета глаза, в которых порой замечались грусть и обида, становились сосредоточенными, когда он брал в руки кисть. В жизни Борис испытал много горя, несправедливости и боли, но всегда храбро сражался с ветряными мельницами бытия. Он легко обижался и великодушно мирился, хотя в трудные часы бывал хмурым, недоверчивым, нелюдимым, раздражительным. С чувством досады часто думаю о том, что жизнь была дарована ему в чуждом ему притворном времени советского хаоса. Брат выделялся широким пронизательным интеллектом и находил счастье в своем творчестве, которым он был поистине одержим.

С трехлетнего возраста он твердо держит в руке карандаш, рисует. Казалось, что он начал рисовать раньше, чем заговорил, и все отмечают, что, вероятно, эта потребность перешла к нему по наследству от прадеда, владимирского иконописца Никанора Буянцева, отца нашей бабушки Дарьи. Крепкого и здорового малыша, ласкового и застенчивого любили все, кто окружал тогда нас. Хорошо помнится он мне сидящим за маленьким столиком, не расстающимся с карандашом и рисующим зверей: лошадей, слонов, но предпочтительно – львов.

Когда Борису исполнилось семь лет, его определяют в кружок рисования при местном Доме пионеров, где он сразу же выделяется среди ребят своими способностями. Этот кружок он не покидает до окончания школы.

Преподавал в нем художник и внимательный педагог Николай Прокопьевич Евса. Здесь у брата появляются друзья – молодые художники – венгр Володя Гаал и армянин Арван Абрамян. Их отцы, как и наш, позже были арестованы как «враги народа». Это грустное обстоятельство впоследствии сблизит их еще больше.

Вот и радостный день – 11 апреля 1937 года. В этот день брату исполнилось 10 лет – первый юбилей. Его отмечали торжественно, гасили свечи на торте, испеченном бабушкой. Тогда отец подарил ему первый этюдник с набором масляных красок, с тех пор с красками он никогда не расставался. В школе Борис рисует несравненно лучше всех своих сверстников, а потому пользуется как у них, так и у учителей известным авторитетом. Учителя постоянно эксплуатируют его для изготовления всевозможных учебных пособий и стенгазет, он же не остается в долгу, рисуя на них всевозможные шаржи.

Когда брату было 12 лет, он получил первую премию на краевом конкурсе детского рисунка за картину «Петр Великий в Полтавской битве», выполненную на холсте масляными красками. Петр изображен несущимся на коне впереди войска с поднятой вверх шашкой. Премия эта была путевкой в пионерлагерь «Артек» в Крыму. Это место он полюбил и много раз там бывал, уже будучи взрослым. Замечательный местный художник-импрессионист Гайк Аветисович Аветисян, который в молодости жил и учился в Париже, с восторгом отмечал уникальные способности Бориса, а брат у него брал первые уроки живописи и слушал увлекательные рассказы из жизни парижской богемы. Вероятно, этот художник еще тогда открыл ему тайны цветовых отношений в живописи.

С редкостной целеустремленностью и упорством постигал брат новые и новые миры, открывавшиеся перед ним. В Краснодаре есть небольшой, им любимый художественный музей, в котором тогда директором был друг отца, писатель Василий Константинович Очерет (будущий Василь Барка). Впоследствии он стал известен своим романом «Желтый князь», где повествуется о голодоморе 1933 года. Нам с братом тоже пришлось тяжело пережить этот голодный год. Уже тогда мы

научились делиться друг с другом последним. В тот год мы видели на улицах города трупы умерших от голода людей, были и случаи людоедства, а хлеб, который мы получали по карточкам в мизерном количестве, пекли из кукурузной муки, и был он как кусок глины. Удивительно, как мы выжили...

Василий Константинович старательно шефствует над братом, знакомит его с достопримечательностями музея и основами истории искусств. Его влияние на становление юного художника оказалось заметным, не прошло даром, что отмечал и сам брат.

Родители уделяют много внимания нашему воспитанию и образованию, особенно отец, чуткий педагог. Уже тогда нам была установлена граница недопозволенного – того, что человек никогда не должен себе позволять, мы знали и хорошо чувствовали ее. Это осталось на всю жизнь. Впоследствии брат всегда хранил в своем жизненном арсенале несколько правил, усвоенных с детства, которым подчинялся без рассуждений.

В нашем доме была обширная и разносторонняя библиотека, собранная отцом и бабушкой Дарьей: Энциклопедия Брокгауза, Всеобщая история Йегера, История искусств Вермана, сочинения русских и зарубежных классиков. Едва овладев азбукой, мы стали много читать. Наша мама особенно любила Диккенса и привила нам любовь к его романам. Когда же она читала нам, еще маленьким, рассказы о животных Сетона-Томпсона и мы проливали слезы – так жалко было Чинка и Домино, – отец ворчал: к чему, мол, такие сантименты, вырастим хлюпиков, и трудно им будет. И был, наверное, прав: нам, в самом деле, приходилось нелегко, когда мы уже вышли из-под родительской опеки. Уж слишком сердобольными нас вырастили, особенно это относилось к брату – он всегда был как-то сердечнее и ранимее меня, всегда защищал слабых, охотно им помогал, жалел бездомных собак и уверял, что они лучше, благороднее нас, людей.

В детские и юношеские годы мы не только много читали, но в равной мере набирались и других впечатлений. В нашем окружении в основном были взрослые – друзья отца – писатели и ученые, и это благоприятно сказалось на формировании наших взглядов и знаний.

Большое влияние на нас оказал брат мамы Владимир – замечательный педагог и рисовальщик; нас связывали взаимная любовь и общие интересы. Впоследствии он не избежал сталинских лагерей, но чудом уцелел, пробыв там 15 лет.

И вот пришло время, когда мой брат впервые влюбился. Ему не было еще и десяти, когда этот застенчивый мальчик однажды встретил свою первую любовь. Он бродил по улицам в надежде встретить ее, не спал ночами. С предметом своей любви он даже не был лично знаком, держал это чувство в себе, страдал. Девочка-красавица, того же возраста что и он, жила по соседству с нами. То, что он влюбился без памяти, – это была его сокровенная тайна, в которую он посвятил только меня и просил как-то завязать знакомство с нею, не решаясь на это сам. Мне легко это удалось: она оказалась довольно бойкой и согласилась пойти с нами в кино. Ясно помню, как это было: в зале девица сидела между нами, все трое молчали, стесненные новым знакомством. Ковбойский фильм «Знак Зорро», с участием в главных ролях Мери Пикфорд и Дугласа Фербенкса, был немым; перед экраном сидел тапер, исполнявший импровизированное музыкальное сопровождение, сюжет и диалоги читались в титрах на экране. Нас этот фильм привел в восторг, но я заметил, что девочка никак не проявила своего отношения к этой романтической эскападе, и тогда я решил, что у брата ничего с этой девочкой не сложится. Так оно и оказалось. Ответа на всепоглощающую любовь не последовало, и Борис долго переживал, даже будучи уже студентом, не мог ее забыть. Она же, Клара Крахмалева, впоследствии стала солисткой Краснодарской оперетты, кружила головы многим, и как-то потом в Москве повстречалась нам, но за прошедшие годы любовь брата уже успела улетучиться.

В детстве мы не особенно водились с дворовыми мальчишками – они как-то мало нас интересовали, мы жили сами по себе, своими увлечениями. Любимой игрой у нас была историческая игра в солдатики. Эти солдатики изготавливались нами из плотной бумаги, ватмана; офицеры, генералы, маршалы, короли рисовались братом; у всех были имена, их потом вырезали и устанавливали на подставки. Рядовых солдат вырезал я, их надо

было много, сотни, и эта более грубая работа поручалась мне. Так были созданы армии Наполеона, русская армия, австрийцы, итальянцы и т. д. Потом разыгрывались сражения: Аустерлиц, Маренго, Бородино. Были и другие армии: красные и белые, римляне, армия Ганнибала и, наконец, просто пираты. Боря настолько был увлечен этой игрой, что особенно почитаемых и любимых героев – Наполеона, Мюрата и Лавра Георгиевича Корнилова – на ночь клал себе под подушку. Солдатики эти потом сохранялись у него надолго.

Были у нас и другие игры (назовем их литературными), когда мы изображали из себя героев прочитанных книг. Одно время Боря был Атосом, а я – Арамисом. Был и д'Артаньян (его настоящая фамилия Вартаньян, да к тому же у него был заметно большой нос), был и Портос – оба из числа школьных приятелей. Фехтовали деревянными рапирами собственного изготовления. Когда Боря изображал Атоса и входил в эту роль, он старался отличаться благородством, говорил мало, весомо. Арамис был изобретательным, увлекался астрономией, любовался звездами.

Как-то солнечным весенним утром, когда я был уже Робинзоном Крузо, а Боря – Пятницей, мы вместо школы отправились за Кубань, где построили шалаш из веток; домой вернулись поздно. Родители сбились с ног в поисках пропавших сыновей. Мы, конечно, во всем признались, и отец пообещал выпороть меня как заводилу, если это повторится, но на первый раз простил, а повторения не было.

Еще Боря любил рисовать героев прочитанных книг, придавая им сходство с окружающими нас личностями. Так, у меня над кроватью долго висел воображаемый портрет папаши Гекльберри Финна, который имел абсолютное сходство с дядей Витей, братом мамы, непросыхающим любителем местного «абсента», веселым человеком эпикурейского нрава.

Наши гуманитарные познания значительно превосходили школьную программу, нам было легко одолеть ее. Но большинство наших сверстников не стремились узнать больше того, чему их учили в советской школе, и потому мы казались им белыми воронами. Так мы росли и выросли в небольшом провинциальном городе.

Вот и пришел роковой 1938 год – пик террора, страха и насилия, во многом предопределивший нашу дальнейшую судьбу. В ночь на 27 апреля был арестован наш отец – главная опора семьи, человек кристально чистый, нами любимый [2]. Ждали, что арестуют и маму, но пронесло – ограничились тем, что изгнали с работы. Больше года она не могла устроиться на новую. Друзья и знакомые от нас отвернулись, при встрече не замечали, боялись общаться с нами. В школе отношение к нам со стороны учителей резко изменилось. Так, однажды брат, отвлекшись от урока, рисовал с натуры свою учительницу, и, обнаружив это, она повышенным тоном произнесла: «Коржевский, не забывай, что ты сын врага народа, ты не должен позволять себе вольностей и запомни, что к тебе всегда будет особенное отношение». И, конечно, он запомнил это.

Раз в неделю нам приходилось рано утром, еще до рассвета, идти через весь город, на его окраину, к тюрьме на перекличку, чтобы только узнать, не разрешена ли передача отцу. Всякий раз безрезультатно. Живем только надеждой на его освобождение. Прошло два года, и вот, наконец, пришла первая долгожданная весточка от отца – письмо, написанное на тряпочке, посланное с этапа: он осужден, и его везут в далекие лагеря. Только через 15 лет, в 1956 году, вместе с извещением о реабилитации мы узнали о том, что он умер в лагерной больнице недалеко от Магадана в 1941 году. А в какой безымянной могиле он похоронен, мы не узнаем никогда. Боря особенно остро переживал гибель отца, тогда я часто видел слезы в его глазах.

Скромное наследие отца – это изданные на украинском языке роман «Дни» и пьеса «В пути», а также сохранившаяся рукопись романа «На острие времени». Они и являются ему памятником. Уже в 90-е годы Боря написал по памяти портрет отца, который по предложению профессора В. К. Чумаченко был подарен Литературному музею Кубани. Позднее он также предпринимал попытки заинтересовать Бориным творчеством Краснодарский художественный музей.

В тот трагический день 22 июня 1941 года рано утром я услышал в открытое окно

крики ребят. Так мы узнали о том, что началась война. А вскоре во время налета наш дом был разрушен до основания прямым попаданием германской бомбы. Погибли и наша библиотека, и все наше имущество. Уцелели мы чудом, потому что случайно не оказались в доме в тот момент. И остались мы нищими, без собственного крова на долгие 15 лет.

Пришли немцы, их оккупация продолжалась полгода. Трудно и страшно было нам в то время: надо было скрываться, потому как на нас донесли в гестапо, ведь наш дед, отец нашей мамы, был еврейских кровей, и в ее паспорте также значилась эта национальность. Пытались мы с Борей его исправить: терли резинкой, скоблили бритвой, но ничего не получалось – испортили его окончательно.

Живем то у бабушки Дарьи, то у других родственников или знакомых. Наконец, когда маме сообщила ее приятельница, что к ней приходили из полиции, интересовались нами, решили уходить в родную станицу к сестрам отца. Поздним вечером, когда уже стемнело, нагруженные котомками с каким-то необходимым скарбом, мы отправляемся в путь, так чтобы к раннему утру прийти незамеченными. Эта ночь была страшной и темной, но дорога хорошо знакома, и все 30 километров мы преодолели без приключений, никого не встретив, хотя могли бы встретить и патруль, и незнакомых случайных ходоков, и грабителей, но пронесло, слава Богу. Несомненно, помог нам и наш ангел-хранитель, может быть, потому что видел, как мы все трое были спяны памятью об отце, теплом матери и любовью друг к другу.

1944 год. Брат, мама и я едем в незнакомую нам Москву, чтобы остаться там навсегда. Брат поступил в Художественный институт, бывший ВХУТЕМАС. Из 100 абитуриентов было принято 11. Брат учился в мастерской тогдашнего директора Игоря Эммануиловича Грабаря. Мастерская называлась портретной.

Институт размещался в небольшом доме на Арбате, рядом с Собачьей площадкой. В том же доме находилось Щукинское театральное училище – так что будущие актрисы кокетничали с будущими художниками. Время голодное, военное, студенты оборванные, полураздетые. Московские морозы дают о себе знать,

но мы не унываем, увлечены своим делом, видимся почти ежедневно, хотя живем в разных общежитиях.

Москва многому научила моего брата, доверчивого, открытого, наивного провинциала. Она никогда не была гостеприимной и сердобольной. Да и москвичи заметно отличались от южан, наших земляков, суровым нравом с холодком. Вот и закончилась Великая война, мы победили! Это был незабываемый, поистине всеобщий Праздник, когда весь центр столицы был заполнен восторженной ликующей толпой. Люди пели, плясали, радовались, что закончилось тяжелое военное время, многие плакали.

Ходим по музеям, бываем на концертах в консерватории, куда нас пускают без билетов добрые билетерши. Борю особенно поразил Моцарт, его музыкой он был очарован; восхищался великими немцами Бетховеном и Бахом. Питаемся в студенческих столовых по талонам скудными обедами, да тем, что пошлет нам иногда случай. В послевоенные годы люди получали хлеб и продукты по карточкам, этого не хватало, все голодали, спасала картошка – самый дешевый и доступный продукт, она всегда выручала Россию в голодные годы.

Часто бываю в институте у брата, иногда подрабатываю, разгружая машину с хлебом для булочной, за что получаю целую буханку, несу брату его долю, всегда делюсь с ним, жалею его. Он казался мне тогда особенно незащитным. Его всегда окружает веселая, шумная компания будущих художников: Женя Лобанов, Саша Суханов, Женя Онуфриев, Ахмет Китаев, Петр Оссовский, Виктор Иванов, Гелий Коржев, Валя Пурыгин, Лавиния Бажбук, Нина Сергеева, Костя Карамян, Володя Перяславец, братья Ткачевы.

Несмотря на голодное время, в подражание бубновалетовцам, в институте был создан кружок тяжелоатлетов, руководил которым некто Кнесс. Брат среди них чуть ли не лидер, а его коронный номер – приседание на одной ноге при второй вытянутой и с двухпудовой гирей в руке, так называемый «пистолет», – вызывал восхищение окружающих. Этот номер удавался немногим.

В те суровые послевоенные годы студентам жилось особенно голодно и холодно. Так, Саша Суханов, студент способный, удивитель-

но талантливый и, наверное, самый бедный в институте, надевал ватник на голое тело: в его гардеробе другой одежды просто не было. А завтрак у нас часто состоял из куска черного хлеба и стакана кипятка на сахарине.

Вот тогда изобретательная дирекция этого института, чтобы накормить своих голодающих питомцев, придумала так называемую производственную практику на заводах пищевой промышленности. Молодые художники изображали производственный процесс, рисовали передовиков производства, и им разрешалось посещать любые цеха и там съесть любую пищевую продукцию в любых количествах, то есть наедаться до отвала.

Так, у брата был постоянный пропуск на Московский Рыбокомбинат. Ежедневно после занятий в институте туда направлялась бригада художников в составе: Лобанов, Китаев, Суханов и брат. Что-то они там рисовали и наедались рыбы, приготовленной в самых разнообразных видах. Иногда вместо кого-то, отсутствующего по той или иной причине, брали меня. Это был восхитительный пир по тем временам. Семга, осетрина холодного и горячего копчения, черная и красная икра – все это человек того времени не мог даже себе представить, а мы ели до полного насыщения.

Ежегодно на все лето институт выезжал в Крым, на берег моря, в принадлежавшую ему деревню Козы, где студенты писали пейзажи и набирались сил.

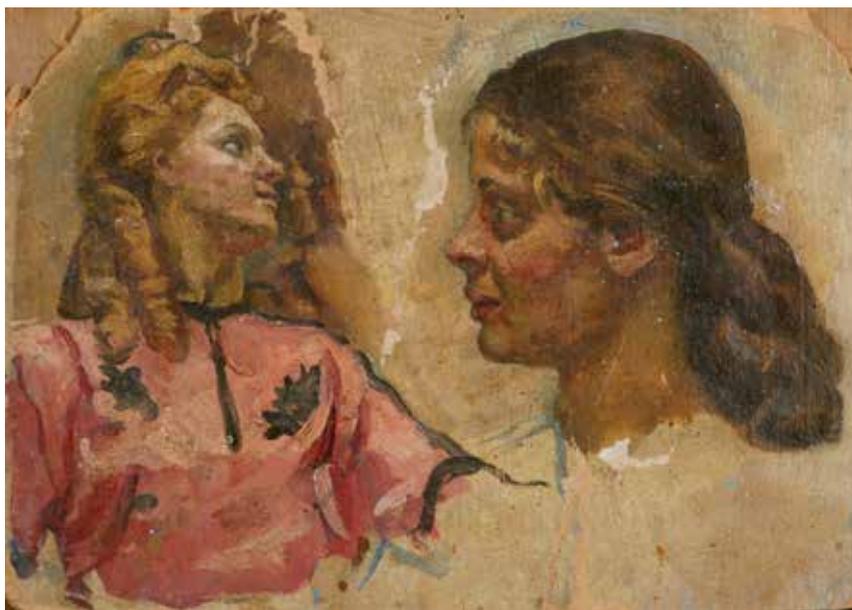
Как-то на зимние каникулы мы едем в Ленинград, посмотреть картины только что открывшегося после блокады Эрмитажа. Едем, конечно, без билетов. В ночном поезде нас четверо: Китаев, Лобанов, Борис и я. Идет контроль – бежим в тамбур. Контролер догоняет нас и требует предъявить билеты. Я не растерялся: предъявляю мой студенческий, и что же – на удивление всей компании, контролер пробивает его компостером и почтительно мне возвращает. Все следуют моему примеру. «Куда едете, ребята?» – поинтересовался, добродушно улыбаясь, контро-

лер. «В Питер, посмотреть картины Эрмитажа», – был ответ. «Ну, тогда поезжайте», – сказал он нам на прощанье. Вот такие контролеры и с чувством юмора, и добрым сердцем служили тогда на железных дорогах.

Эрмитаж нас ошеломил – ходим по залам, точно пьяные, и от голода, и от восторга, но созерцание великих творений удваивает силы – вот, что значит энергия духа, возбужденная красотой. Впервые увидеть шедевры Рембрандта, Рубенса, Веронезе, прочувствовать их, хотя и на голодный желудок – это прекрасно. Мы настолько восхищены, что голод не замечаем.

Были и неприятности. Тогда всюду водились осведомители. Боря, по своей наивности и доверчивости, рассказал одному сокурснику о судьбе нашего отца и о том, что мы были на оккупированной немцами территории. Сразу же о Бориной откровенности стало известно в деканате, и встал вопрос об исключении из института сына врага народа, скрывшего этот факт. После длительных разбирательств Борю все же не исключили: отстоял тогдашний декан Дмитрий Мочальский. Думается, и на этот раз вмешался и помог ему наш добрый, невидимый ангел-хранитель.

В 1950 году Боря окончил институт. Его дипломная работа, картина «После лекции», изображает группу студентов, беседующих с пожилым профессором в интерьере старого

А. Г. Коржевский. Эскиз к картине *Московский университет*

А. Г. Коржевский. Натюрморт с лимонами

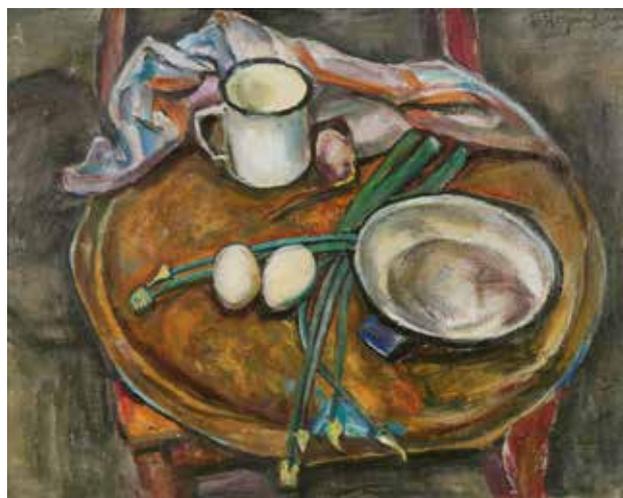
здания Московского университета. Она исполнена в традициях венецианских мастеров эпохи Возрождения и уже тогда являлась программной работой, соединяющей классику с современностью, что брат всегда, и уже в ту пору, считал особенностью своего творчества. В настоящее время эта картина находится в картинной галерее города Нижний Тагил.

Вскоре многое изменилось: теперь мы живем втроем, наша мама с нами. Человек она героический, самоотверженный. Всю свою долголетнюю жизнь (а прожила она 95 лет) отдала нам, любимым сыновьям, вырастила и воспитала нас. Работает мама в школе, получая грошовую зарплату учителя. Мы снимаем комнаты, то одну, то другую; работаем, надо зарабатывать на жизнь, а время трудное, послевоенное [1]. Все наше имущество – это два чемодана и Борин этюдник с красками.

Скитаниям по чужим углам, кажется, не видно конца. Несколько лет продолжается бездомное существование: то трудности с пропиской, то нас обокрали хозяйева, то тесно всем в маленькой комнатке. Приходится искать новое пристанище, но найти комнату в Москве нелегко, поэтому снимаем в пригороде, а там другая проблема – нужны дрова. Боря имел привычку зарисовывать наших хозяев – получилась целая галерея типажей, напоминающая карикатурных героев Гоголя или Салтыкова-Щедрина. Бывало и так, что приходилось ночевать на вокзале. Наши родственники-москвичи, сестра отца и брат мамы, отказали даже хотя бы во временном приюте. Так мы с братом познавали суровую действительность,

однако все эти невзгоды только еще крепче сплотили нас, нашу дружбу. Как-то мама устроилась работать управдомом, обещали квартиру – обманули – вернулась в школу. У Бори бывают все же случайные заработки, и это спасает положение – то он расписывает стены в ресторане, то потолки в разрушенной гостинице «Москва». Приходилось даже рисовать огромные портреты коммунистических вождей сухой кистью, их вывешивали тогда на фасадах зданий. Одно время он работал в издательстве «Детгиз», иллюстрировал книги для детей, но настоящее творчество по призванию всегда было у него на первом месте.

В эти трудные послевоенные годы он создает свои картины в нечеловеческих условиях, в тесноте и постоянной нужде. Тогда им были написаны: «Старый Арбат» (1947), «Маки» (1948), «Георгин» (1948), «Комнатный лимон» (1948), «Автопортрет» (1949), «Кухонный стол» (1949), копии с картин Эль Греко «Святое семейство» (1952), «Эсполио» (1952), «Портрет Диего Васкеса», выполненная в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, натюрморт «Рыбы и яйца» (1952), «Ирисы» (1952) и др. Как-то он получил заказ на большую картину, но негде было над ней работать. Что делать? Думаем. Тогда я работал в академическом институте, иду к директору – прошу его разрешить моему брату писать картину в здании института на чердаке. Разрешил. Здесь рождалась картина «Летним днем», которая потом показывалась на московских выставках и была продана итальянскому коллекционеру, собирателю русской живописи. Она была ис-

А. Г. Коржевский. Натюрморт с яйцами

полнена в светлых тонах и напоминала сезанновских купальщиц.

В конце 40-х годов Боря познакомился с замечательным живописцем Петром Петровичем Кончаловским. Брат находился под большим его влиянием и всегда считал его своим истинным Учителем.

Все эти послевоенные годы были для нас счастливыми, хотя и трудными.

И вот случилось совсем новое событие – Борис женился. Этот шаг изменил всю его жизнь. Она стала другой: сложной, беспокойной, ко многому обязывающей, несвободной. Добывать средства к существованию и заниматься творчеством – вещи не слишком совместимые...

В тех условиях бездомного и полуголодного существования появился вскоре на свет очаровательный ребенок, дочь Юлия, любимая им на всю жизнь.

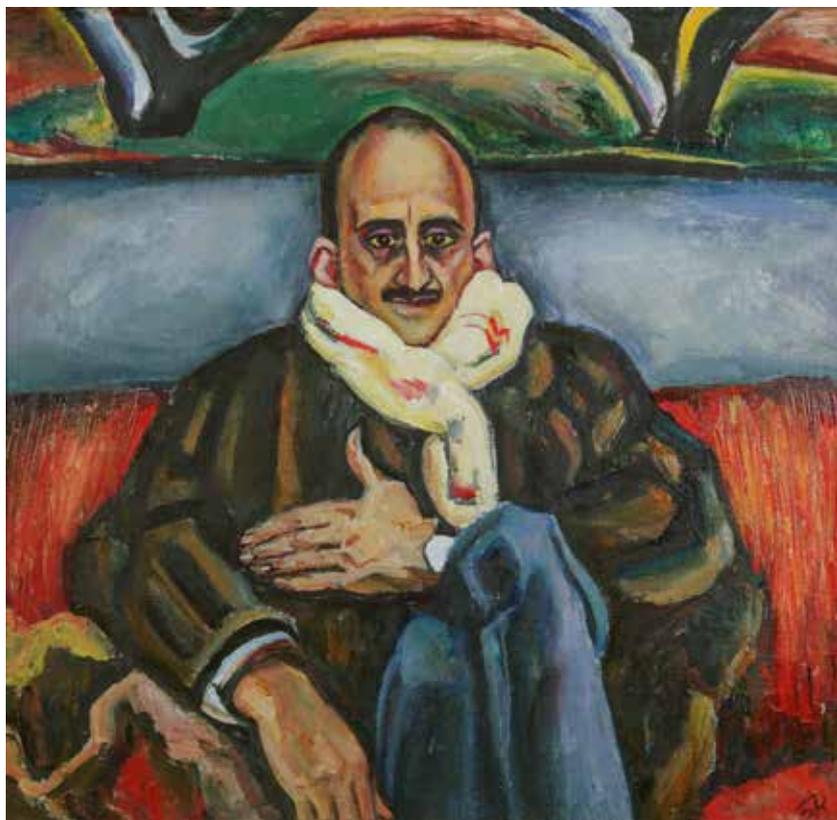
Избранница брата, Нина Сергеевна Коржевская (урожденная Павлова), была тогда всего лишь скромной студенткой, и, несмотря на то, что в их жизни были и тяжелые испытания, и трагические переживания, они дожили

вместе до золотой свадьбы. В семейных отношениях проявились лучшие человеческие качества брата – верность, преданность, постоянство.

В начале 50-х годов Боря участвует в работе по воссозданию сгоревшей во время войны панорамы художника Рубо «Оборона Севастополя». Руководят этой работой академики В. Н. Яковлев и П. П. Соколов-Скала, а всего в ней участвуют 17 художников. Полученный гонорар стал весомой материальной поддержкой: на эти деньги строим дом в деревне Покровка, что под Клином, и здесь, наконец, у Бори появляется собственная мастерская-студия. В этой же Покровке расположены садовые участки Московского Художественного театра. С некоторыми актерами Боря познакомился, особенно симпатизировал Белокурову, блестящему исполнителю роли Чичикова.

Еще в институте на одном курсе с Борей учился сын поэта-футуриста Василия Каменского, тоже Василий. Он жил вдвоем с отцом. Боря поддерживал с ним дружеские отношения и часто бывал в их доме, где познакомился с поэтом, слушал его увлекательные рассказы. Был он знаком и с Алексеем Крученых, который жил тогда очень трудно, будучи всеми забытым. Общась с этими людьми, Боря увлекся Маяковским и много узнал о футуристах из первых уст. К этому периоду относятся его полотна «Солнце», «Хорошее отношение к лошадям» и «Говорит Маяковский». Это единственные в его творчестве абстрактные опыты, больше никогда он к этому направлению не возвращался, держался в стороне от беспредметного изображения.

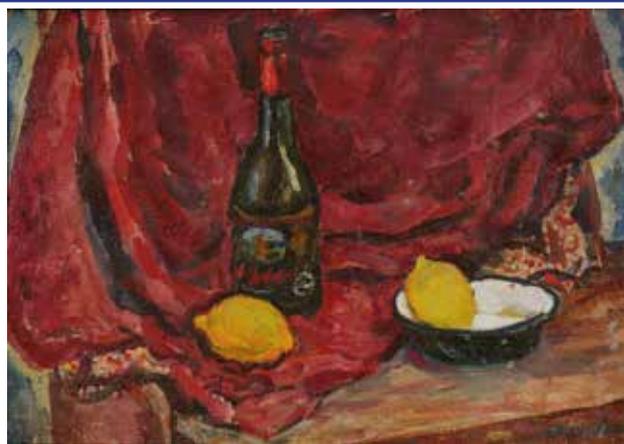
Была тогда такая веселая компания художников, работавших вместе в издательстве «Детгиз»: Боря, Женя Лобанов, Иван Кусков, Дима Краснопецев, Игорь Годин. Был еще один, Веня Кирдин, прозванный Харрисом по персонажу из Джерома, этот не был художником, а был просто замечательным собутыльником. Собирались часто

А. Г. Коржевский. Портрет брата

у Краснопевцева на Метростроевской улице, иногда там же у Кускова. Боря читал стихи как футуристов, так и свои. Слушали и восхищались. Женя Лобанов, заработавший на севастопольской панораме много денег, тратил их с беспощадной щедростью, финансируя все пиры этой бесшабашной братии, за что и получил прозвище «дедушка русского флота». Он имел привычку бросать вверх сторублевую ассигнацию, что означало начало пиршества. Харрис, словно по команде, хватал ее на лету и мчался в магазин за вином и закуской, и в этом он был незаменим. Харрис был верным адъютантом у Жени, пока были деньги. Кончились деньги, исчез Харрис.

Межу Борей и Димой Краснопевцевым постоянно происходили состязания: каждый старался превзойти другого в эрудиции. Успех в поединках у них был равный, и завершалось все миром. Дима подписывал свои работы «Красс», а Боря посмеивался над ним: «В профиль ты и в самом деле похож на того римля-

А. Г. Коржевский. Лимоны и вино

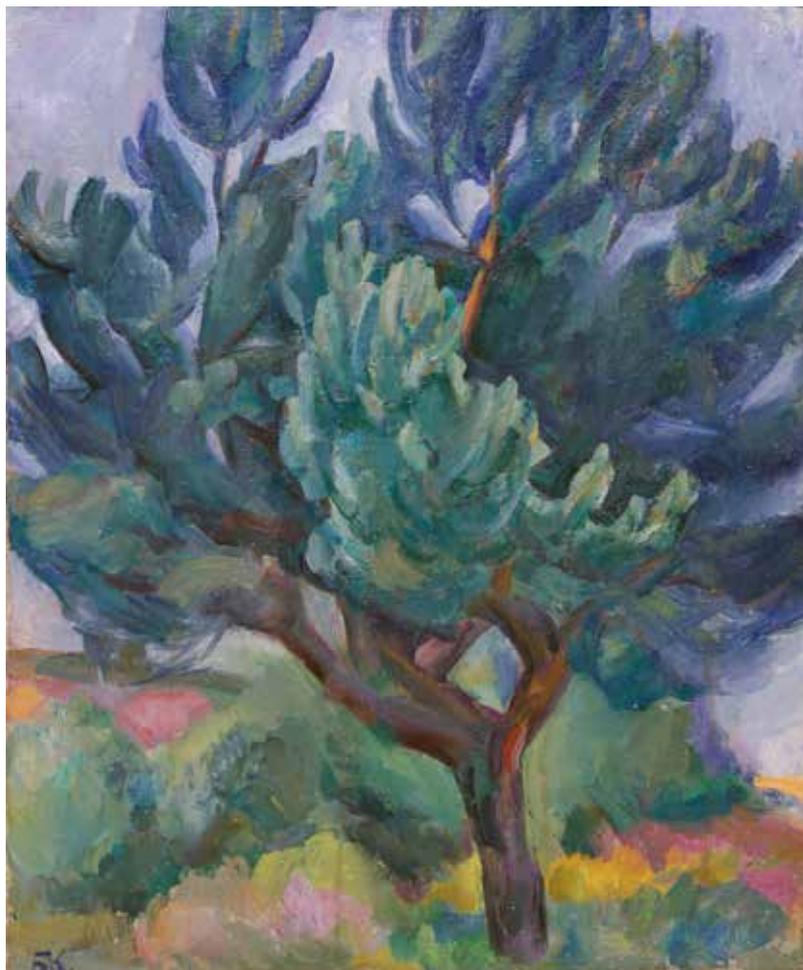
нина», – говорил он ему серьезно, на что Дима, понимавший шутку, не обижался.

Игорь Годин, задиристый и добрый, был замечательным рисовальщиком – никто так не умел изображать лошадей, как он. А Ваня Кусков, красавец и блестящий фехтовальщик, прославил себя иллюстрациями к изданному Детгизом замечательному роману Александра Дюма «Три мушкетера». Несчастливыми, как потом оказалось, были судьбы как одного, так и другого.

Компания вскоре распалась, хоть она и была веселой, но не более того – брат так и не нашел себе в ее среде ни душевного друга, ни собрата по искусству...

Жить в Покровке оказалось нелегко, особенно зимой, с маленьким ребенком в холодном недостроенном доме. Решили перебраться ближе к Москве. Покровку продали, купили две маленькие комнатки в Кузьминках и построили мастерскую в Москве, в районе площади Маяковского. Все деньги, до копейки, Боря истратил на ее строительство – она была необходима ему для работы. Это был поступок человека, одержимого творчеством. Делами, связанными с этим строительством, пришлось заниматься и мне.

С 1950 года я жил отдельно, со своим семейством. С Борей жила

А. Г. Коржевский. Сосенка

наша мама, на которой и держалось все их хозяйство. Она помогала молодой семье, всем своим большим сердцем заботилась о здоровье и благополучии сына, невестки и внучки.

В эти годы Боря продолжает много работать. Тогда им были созданы такие полотна, как: «Старые Кузьминки» (1954), натюрморт «Красное вино» (1962), «Портрет матери» (1958), «Юлечка» (1958), «Деревенский натюрморт» (1958), «Натюрморт с кувшином и перцем» (1959), «Сирень» (1958), «Полевые цветы» (1958), «Яблоки в корзине» (1960), «Портрет брата» (1966), натюрморт «В мастерской» (1961).

Я восхищался его отвагой и трудолюбием, поддерживал его дух и все его творческие начинания.

В 1959 году Боря вступил в Союз художников (МОСХ) и с тех пор постоянно участвовал в ежегодных художественных выставках.

Материальные проблемы были у него на втором плане; главное, чтобы всегда были краски и холсты.

Однако с появлением семьи надо было зарабатывать на жизнь: делать суррогат для так называемого Комбината живописного искусства, выполнять государственные заказы. Комбинат, хотя и обкрадывал души художников, все же был их кормильцем. «Так и будешь прозябать в Комбинате», – сказал один из проворных Бориных однокурсников, который успел получить чин. Другой такой же, из тех, кто рано пролез в академики, заметил: «Тебе все могут простить, кроме таланта». Работа в Комбинате – это работа ремесленника. Обычно дается какая-то банальная тема, и художник должен ее проиллюстрировать. Такая работа брата крайне раздражала, но он ее делал,

А. Г. Коржевский. Храм Бориса и Глеба

А. Г. Коржевский. Ветер в Гаване

потому что надо было кормить семью, а других заработков не было.

Однажды брату заказали групповой портрет шахтеров, это ему пришлось по душе. Для этого он ездил на Донбасс, в Горловку, спускался в шахту, увидел их нелегкий труд и подружился с этими простыми людьми. Картина получилась замечательная. Писал он по заказу и портреты космонавтов, был знаком с некоторыми из них.

Законченную работу обычно вдвоем тащили на заседание Художественного совета в Комбинат, который находился близко от мастерской. Там она подвергалась беспощадной критике с колкостями, не без издевательских комментариев. Далее – исправления по замечаниям и, наконец, долгожданный гонорар. Завершались эти муки распитием шампанского в мастерской. Бутылку шампанского он открывал с особым к нему уважением, понимая толк в хороших винах. Особенно он любил распить бутылку «кьянти» или кахетинского за беседой в хорошей компании, куда входили Женя Лобанов, Дима Краснопевцев, Саша Суханов или самый им любимый и неизменный

друг Михаил Петрович Кончаловский. Нет их теперь на земле.

В 1962 году Борис совершает поездку на Кубу. Год Карибского кризиса, когда мир оказался на грани ядерной катастрофы, но для его творчества это был звездный час. На Кубе он создает более 40 картин, и там же состоялась его первая персональная выставка [3]. Так случилось, что на Кубе ему были предоставлены все условия для работы. Он пишет красочные пейзажи, портреты солдат, ученых, деятелей культуры, государственных мужей. Выставка картин Бориса открылась в отеле «Гавана Либре» в январе 1963 года и вызвала интерес у эмоционального кубинского зрителя. По возвращении в Москву эти картины показывались на выставках в Доме Дружбы, в залах Академии художеств, в Третьяковской галерее.

Как известно, жизненные силы удваиваются благодаря творчеству. Как бы назло всему Борис пишет тогда большое жизнеутверждающее полотно «Наша улица» (1978) и показывает его на всероссийской выставке

А. Г. Коржевский. Балкон

в Манеже. Картину похвалил А. А. Дейнека, а президент Академии художеств В. А. Серов закупил ее для дальнейшей передачи в один из музеев СССР, но, к сожалению, она пылится где-то в запаснике до сего времени.

Как-то брат получил заказ на исполнение пейзажей города Суздаля [4]. Ранней весной, в течение месяца он работает в этом

древнем городке. Однажды там произошел комичный случай: работая на пленэре, он обнаруживает вдруг рядом на столбе забора бутылку водки, стакан и бутерброд с колбасой! По другую же сторону забора обнаружился сидящие на корточках художники Георгий Нисский и Ювеналий Щипачев. Продолжение было таким: рано утром звонок мне из Суздаля: «Александр, выручай, иначе накрывается мой заказ». Еду в Суздаль, обнаруживаю в гостинице всю компанию, ставлю вопрос ребром. Дабы не мешать работе, собутыльники сознательно, без обиды возвращаются домой, в Москву, Боря остается заканчивать заказ.

Однажды вечером мы сидели с братом в мастерской, а он мне и говорит: «А хорошо бы поселиться на пленэре и поработать там, многие художники покупают заброшенные дома в деревнях». Так родилась прекрасная идея. Сказано – начинаем действовать.

Кто-то посоветовал поискать дом на берегах Волги, в окрестностях Углича – там ме-

А. Г. Коржевский. Южный натюрморт

А. Г. Коржевский. Толедо. Замок.

А. Г. Коржевский. Рим. Форум Траяна

А. Г. Коржевский. Венеция

А. Г. Коржевский. Натюрморт с фруктами

ста замечательные, цивилизацией не тронутые. Недолго раздумывая, едем в Углич, идем на пристань, где обнаруживаем одинокий кораблик под названием «Кондор», который обслуживает бакены по всей акватории до Дубны. Спрашиваем капитана, не поможет ли он нам найти дом где-нибудь на берегу. Ящик водки решает проблему. Стояла прекрасная летняя погода, мы плывем по великой реке, подвыпившая команда горланит русские народные песни, кок старательно приготовил отличную уху из свежей, только что выловленной рыбы. Заходим по пути в каждую деревню и, наконец, находим то, что искали: живописно расположенную деревню Васюси-

А. Г. Коржевский. Персики и груши

но, что в 12 километрах ниже городка Калязина на правом берегу Волги. Восторженный брат переименовал ее потом в знаменитые Васюки, прославленные Ильфом и Петровым, и иначе мы ее не называли.

В этой деревне брат создал множество прекрасных вещей. Много лет подряд он приезжал сюда с семьей на все лето и, как всегда, усиленно работал; еще любил бродить по лесу, собирать грибы. Васюки – это целая эпоха в его творчестве: пейзажи, натюрморты, изобретенные им «куски природы», сосны. Их он особенно любил писать. Эта деревня и по сей день хранит о нем память.

Ежегодно в конце лета Боря уезжал в Крым, и я неизменно сопровождал его. В

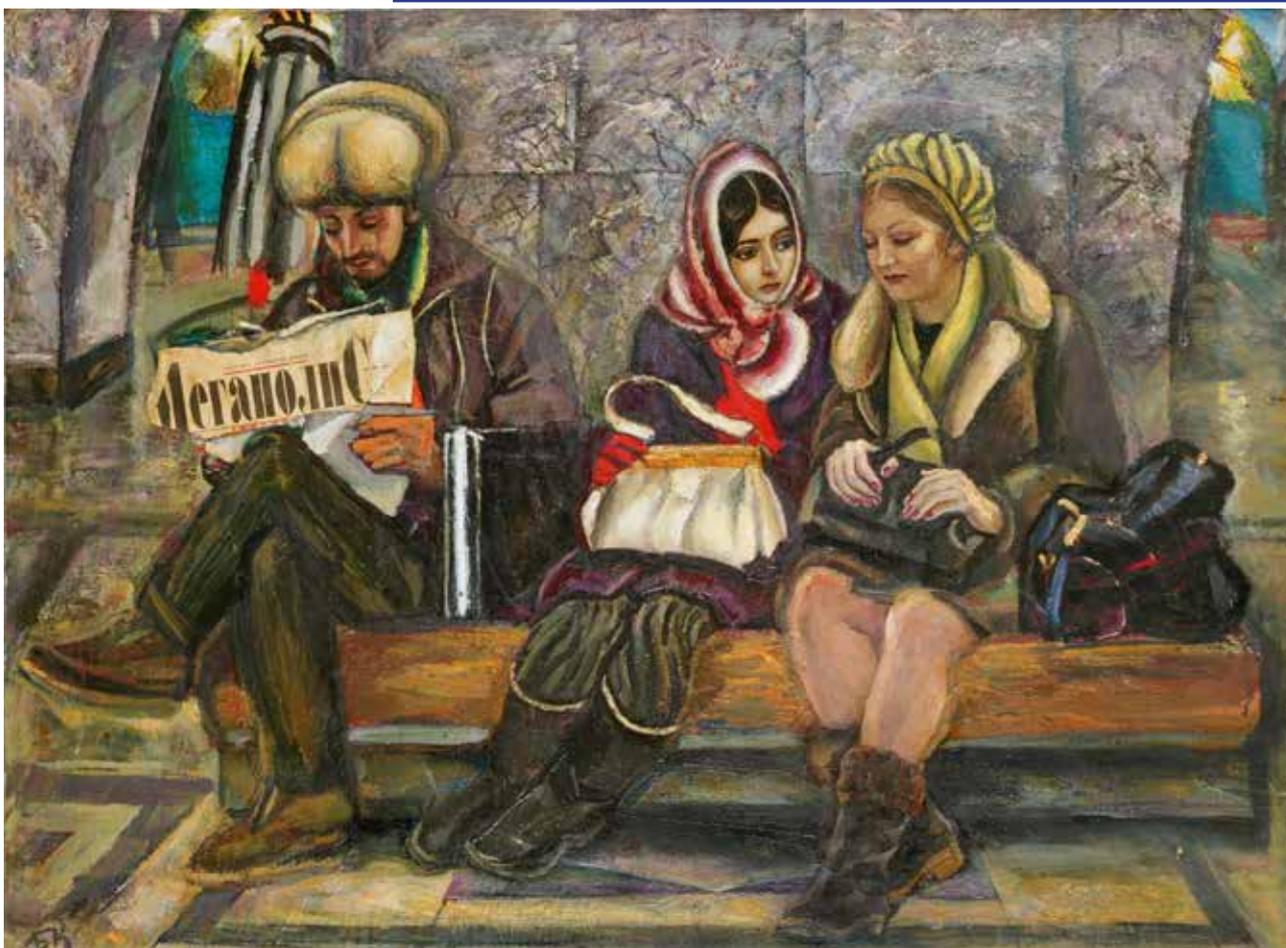
А. Г. Коржевский. Перцы

А. Г. Коржевский. Соки-воды

А. Г. Коржевский. Новая станция метро

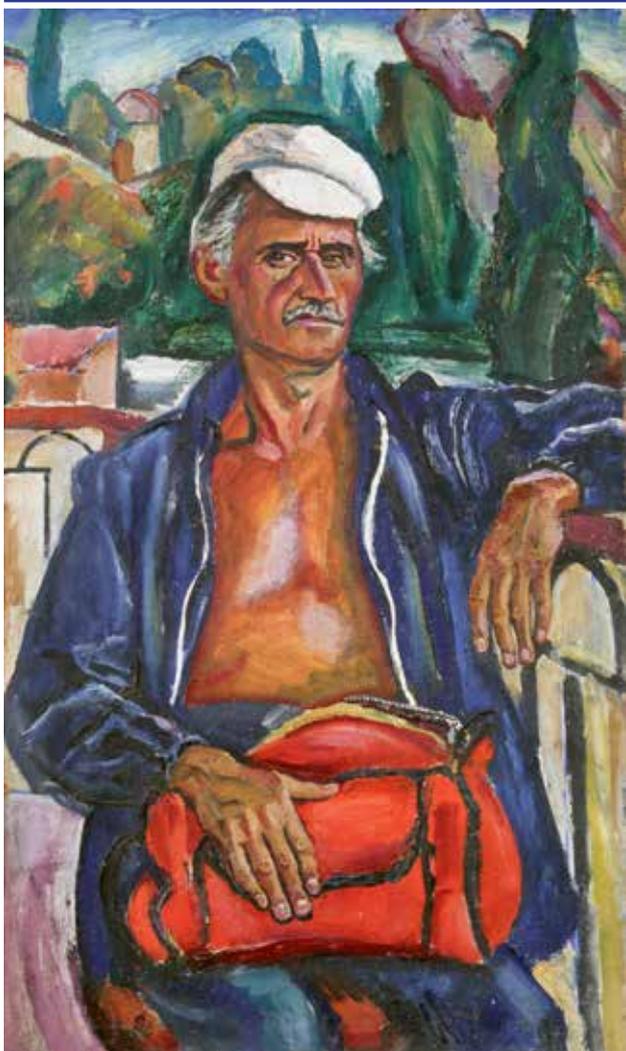
А. Г. Коржевский. Метро Меганолис

Гурзуфе находился Дом творчества художников, где брату всегда предоставлялась комната для работы. Здесь работа кипела с неиссякаемым энтузиазмом, я помогал ему таскать холсты и краски по горам. Пейзажи Крыма – это богатая находками область его творчества, здесь же он пишет и наполненные светом портреты и натюрморты. Море и родное южное солнце особенно возбуждали его дух. Здесь, в Гурзуфе он создал напряженный по цвету мой портрет. Он любил детей и писал их с удовольствием. «Бар у моря» (1990), «У причала» (1990), «Старый Гурзуф» (1990), «Крым. Горы» (1992), «Море и скалы» (1988), «Девочка с персиком» (1990), «Пинии в парке» (1991) – вот лишь немногие из картин, созданных им в Крыму.

Как-то мы с братом оказались на концерте Владимира Высоцкого (с ним, помню, был знаком Женя Лобанов, он и привел нас туда), сидели в первом ряду. Боря как всегда рисовал – сделал набросок с выступавшего

поэта. После концерта Женя познакомил нас с Высоцким, и Боря, симпатизировавший ему, предложил написать с него портрет, на что тот скромно ответил, что это ни к чему, но он подумает, и если надумает – позвонит. Боря пророчески заметил ему, что это нужно для истории, Высоцкий засмеялся, но так и не позвонил. Брат же не стал ему напоминать, а портрет все же написал по памяти и сделанному наброску, а потом показал его на московской выставке. Это было в 1976 году.

В 1978 году в залах Российского союза художников была устроена персональная выставка Бориса Коржевского, после которой ему было присвоено почетное звание – Заслуженный художник России. С выставки были закуплены некоторые работы: мой портрет купила Третьяковка; неизвестно куда ушел замечательный автопортрет на синем фоне; «Маяковский в РОСТА» попал в музей Ярошенко в Пятигорске; куда-то в провинциальный

А. Г. Коржевский. Портрет брата (1981)

музей продали напряженный по живописи «Натюрморт с телефоном».

Поездки брата в Италию и Испанию дали ему многое, особенно Испания. Там в музеях Мадрида и Толедо он изучал творчество восхищавшего его Эль Греко. Он копирует некоторые его произведения, стремится к углубленному пониманию творчества этого загадочного мастера, что открывает ему новые горизонты для совершенствования своей системы. Интенсивность цвета, превосходство колорита над рисунком, свободное широкое письмо хорошо прослеживается в работах этого периода (натюрморт «Фрукты на синем» (1998), «Бандерильеро» (1981), «Натюрморт с банкой папайи» (1979), «Южный натюрморт» (1988), «Портрет артиста Джулиано» (1987).

Борис мечтал поселиться и работать в этой стране, где, как он считал, его будут по-

нимать и ценить, где творить ему будет легко и вдохновенно. Он немного говорил и читал по-испански. Как южанин он любил обжигающее солнце и яркие краски. Уже в Москве брат пишет портрет Мигеля Сервантеса. Он боготворил «Дон Кихота», тщательно собирал для портрета необходимые материалы и хотел подарить портрет испанцам. Не успел.

Борис создал несколько выдающихся портретов Маяковского, многие годы не прекращая работать над его образом. Некоторые из этих портретов теперь в музеях. «Маяковский. Последние минуты» (1977-1985) и «Маяковский за работой» (1975) находятся в Государственном музее Маяковского. «Маяковский идущий» (1968-1980) и «Мистерия Буфф» (1972-2002) находятся в Московском музее современного искусства.

В течение многих лет художник работает над циклом картин под общим названием «Город». Это наша современность, как бы увиденная глазами великих мастеров Возрождения. «Соки-воды» (1978), «В метро. Мегполис» (1978-1988), «На Маяковской. Москвичка» (1985), «Станция метро Маяковская» (1996), «Эскалатор. Час пик» (1997) и еще более десятка картин составляют этот цикл, который является, может быть, самым важным этапом в творчестве мастера.

В 1991 году Борис посетил Францию, где представил свои картины на групповой выставке. В 1992 году он участвует в выставке «Московские сезаннисты» совместно с М. П. Кончаловским, А. И. Сафохиним, Ш. И. Майсурадзе и др. На этой выставке были представлены картины его дочери, Юлии Коржевской. В 1998 году в Москве, в Центральном Доме художника, состоялась третья персональная выставка, отмеченная дипломом Российской академии художеств. Четвертая персональная выставка открылась в декабре 2000 года в залах Академии художеств, а 2002 году брат был избран членом-корреспондентом Академии, что при всем его равнодушном отношении к титулам все же придало ему бодрости и новых сил.

Ясность мыслей и простая мудрость учения Иисуса Христа приобщили Бориса к православной вере. Жизнь без Бога невозможна, соединение с ним необходимо человеку – так считал брат. Он начинает работать

над образом Христа – пишет большое полотно на тему Туринской плащаницы. Эта работа так и осталась незавершенной.

Р. С. Новый 2004 год мы встретили как всегда с надеждой, но он оказался для нас роковым. Пятого января я в последний раз встретился с братом в его мастерской. Он был расстроен, узнав о смерти художника Ивана

Сорокина, и сказал мне, что чувствует и свою скорую смерть, хотя по виду казался в полном здравии. На мои успокоительные слова не отреагировал, усмехнулся. Седьмого января он заболел, а 9-го я отвез его в больницу, где была сделана срочная операция, которой он не перенёс и скончался 10 января за полчаса до полудня. Мы похоронили его рядом с мамой на Хованском кладбище.

Использованная литература:

1. Коржевская В. И. Вместе с веком // Родная Кубань. 2005. № 2. С.112–138.
2. Коржевский А. Г. Мой отец Юрий Коржевский // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 1999. № 2-3. С. 37-40.
3. Коржевский Б. На Острове Свободы. М.: Советский художник, 1967.
4. Коржевский Б. Суздаль [альбом]. М.: Советский художник, 1968.

References:

1. Korzhevskaya, V. I., *Vmeste s vekom* (Together with Century), *Rodnaya Kuban'*, 2005, no. 2, pp. 112-138.
2. Korzhevskiy, A. G., *Moy otets Yuriy Korzhevskiy* (My Father Yuriy Kovalevsky), in *Kuban': problemy kul'tury i informatizatsii*, 1999, no. 2-3, pp. 37-40.
3. Korzhevskiy, B., *Na Ostrove Svobody* (On the Island of Freedom), Moscow: Sovetskiy khudozhnik, 1967.
4. Korzhevskiy, B., *Suzdal'* (Suzdal): *album*, Moscow: Sovetskiy khudozhnik, 1968.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Коржевский, А. Г. В стороне от черного квадрата (Воспоминания о художнике Б. Г. Коржевском) [Электронный ресурс] / А. Г. Коржевский; публ. В. К. Чумаченко // Наследие веков. – 2016. – № 4. – С. 86-90. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/2016_4_Korzhevsky.pdf. (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Korzhevsky, A. G., *V storone ot chernogo kvadrata* (Vospominaniya o khudozhnike B. G. Korzhevskom) (Aside from the Black Square (Memories of Artist Boris G. Korzhevsky)), Chumachenko, V. K., Publ., *Nasledie Vekov*, 2016, no. 4, pp. 90-108. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/2016_4_Korzhevsky.pdf. Accessed Month DD, YYYY.